

СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ
ЗАЩИТЫ МИРА

ВЕК XX И МИР

■ EL SIGLO XX Y LA PAZ ■

■ DAS 20. JAHRHUNDERT UND DER FRIEDEN ■

В НОМЕРЕ

ДЕМОКРАТИЯ ЕСТЬ КОНФЛИКТ!

Поиск путей правового решения
национальных проблем в СССР

ПОСЛЕ ТРАГЕДИИ

Бывший капеллан американской армии
о проблемах ветеранов
Вьетнама и Афганистана

ГДЕ МИРОТВОРЦЫ!

Спор о приоритетах советского
мирного движения

ISSN 0320 8001

12 / 88

В НОМЕРЕ:

Почта

«УВАЖАЕМАЯ РЕДАКЦИЯ...»

2

Круглый стол

ДЕМОКРАТИЯ ЕСТЬ КОНФЛИКТ

8

Актуальная тема

У. МЭХИДИ. ВРЕМЯ ВРАЧЕВАТЬ

18

Проблемы и суждения

А. МИГРАНЯН. ЛЕГКО ЛИ СТАТЬ ЕВРОПОЙ?

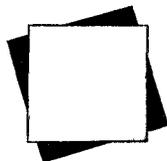
22

Г. ПАВЛОВСКИЙ. МИР В МИРЕ — И В СССР

26

МИР ВАШЕМУ ДОМУ!

Это — наше главное пожелание всем читателям «Века» по случаю наступающего 1989 года. Остальное, как у нас говорят, приложится — и здоровье, и благополучие. С Новым Годом, дорогие друзья!

«Уважаемая редакция...»

В издательской практике достаточно часто — и у нас, и за рубежом — бывает, что редакция, публикуя острый материал, отрещивается от ответственности за него: мол, штука спорная, не во всем можно с автором согласиться и т. д. и т. п. (Правда, надо заметить, что эта палочка-выручалочка, как правило, не выручает). Все вышесказанное наваяно стопкой писем, которые мы предлагаем Вашему вниманию «под занавес» 1988-го. Писем, столь же неоднозначных, как и уходящий високосный год...

Народная дипломатия

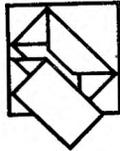
Недавно мне совершенно случайно попал в руки номер вашего издания. Сразу решил со следующего года стать вашим подписчиком. Особенно подкупает, что вы предоставляете место на своих страницах для выступлений граждан, болеющих душой за перестройку и смело размышляющих над острыми моментами нашей жизни и истории.

Настало время, думается, признать и в идейном наследии Маркса и Ленина наличие, кроме общеизвестных, сильных, глубоко проработанных сторон, также и менее удачные аспекты, не отвечающие данным сегодняшней практики. Позволю себе поэтому поставить вопрос о необходимости **коррекции** учений Маркса, Энгельса, Ленина. К слабым сторонам их следует, по-видимому, отнести недостаточное исследование соотношений между частной, коллективной и общегосударственной формами собственности при социализме; односторонняя акцентировка классовой борьбы в капиталистическом обществе; недооценка фундаментальных свойств человеческой природы, являющихся импульсом всей производственной, потребительской и общественной активности челове-

ка; необоснованный приоритет государственных интересов над частными и общественными интересами граждан, интернационального — над национальным. Некоторые работы классиков, где, например, предрекались ликвидация при социализме «буржуазной» семьи, «буржуазной» государственности, стирание всевозможных «граней», сегодня просто нельзя читать без улыбки.

Итак, необходимость коррекции, углубленных проработок и доработок ряда отдельных положений марксизма-ленинизма назрела. Однако готовы ли мы к проведению работы, для которой необходима такая неординарная вещь, как философская культура? За долгие годы идейного волонтаризма и застоя нашей философской культуре был нанесен огромный ущерб, и сейчас она находится в плачевном состоянии.

Кое-кто, возможно, дожидается нового гения, который сумеет все нам «правильно», «исчерпывающе» объяснить. Однако в народе растет убеждение, что безвозвратно ушли времена, когда мировоззрение миллионов и стратегию развития страны определял «отец народов», окру-

женный прислужниками от философии. С другой стороны, какова судьба интересной философской мысли, если она придет в голову простого коммуниста, слесаря, инженера? А это вполне может произойти в наше бурное время, когда налицо необычайный подъем познавательной и «писательской» активности народа.

Поскольку курс на перестройку взяла вся страна, значит, и ответственность за правильный ее ход ляжет на всех трудящихся, и пожинать ее плоды мы будем вместе; следо-

вательно, и думать о тонкостях дальнейшего движения мы должны сообща. Поэтому следует организовать научный центр, который имел бы своей задачей активизацию и концентрацию всенародного диалога и компетентного обобщения интеллектуального потенциала нашего общества. Это, на мой взгляд, хорошо согласуется с назревшей необходимостью организационного оформления демократического процесса в стране.

Р. КАЛМЫКОВ
г. Иваново.

Армию трогать нельзя!

В № 8/88 вашего журнала прочитал заметку аспиранта ЛГУ А. Ильина «Социализм и армия» и был просто поражен, что такое можно написать, а затем и напечатать.

У отечественных военных нет собственной идеологии и собственной политики. Идеология у них коммунистическая, а политика определяется курсом КПСС и принятой в нашем государстве военной доктриной. Дисциплина в армии не нивелирует все и вся, а является фундаментом боеспособности и боеготовности Советской Армии. Армии без дисциплины быть не может! Автору должно быть известно, по

какой причине В. И. Ленин, партия пришли к выводу о необходимости кадровой армии для защиты революции.

Ну, а мысль о том, что советские военные должны ненавидеть свою работу, не «крамольная», а на мой взгляд, преступная. Для того, чтобы написать такое, нужно совершенно не представлять, что было бы, если бы советские военные не любили свою профессию. Что было бы с армией и существовал ли бы Советский Союз. Неужели по этому вопросу нужна дискуссия?

А. МОРДКОВИЧ
г. Новосибирск.

Галантные допросы

Никогда не писала ни в одну инстанцию или редакцию. А написать хотелось, и очень давно. Хотя человек я по натуре не злопамятный, эту обиду забыть не могу. Произошло это в 1978 году. В дискуссиях со студентами не раз высказывала мысли, считавшиеся во времена застоя «крамольными». Кто-то сообщил обо мне в КГБ. Как позднее я узнала, во многих студенческих группах среди студентов были такие, кто сообщал о

разговорах и настроениях среди студентов и преподавателей в упомянутую организацию.

Меня вызвали туда, и моим делом занялся некий следователь. Нет, он не был груб в разговоре со мной, прямо-таки был галантно вежлив. Вот только буквально в каждом его слове звучал откровенный цинизм, а вопросы личного характера, заданные мне, унизили бы достоинство любого человека.

«Говорили ли вы, что некоторые партийные работники, занимающие довольно высокие должности, незаслуженно пользуются привилегиями своего положения? Говорили ли о несовершенстве планирования и существовании дефицита товаров народного потребления?» и т. д. и т. п. Ответом моим был вопрос: «А что, разве это не так?» Разговор был долгим, я пыталась отстоять свое мнение. Но увы! Мне даже начало казаться, что время перенесло меня в страшные 30-е годы. Следователь постоянно показывал на том уголовно-го кодекса, клеил мне ярлык очернителя и клеветника на Советскую власть. Угрозы были разного рода: от увольнения с работы «до заключения в тюрьму».

Потом этот «борец» за чистоту идеалов нашего общества потребовал, чтобы все то, что я сказала ему, я зафиксировала на бумаге. «А в противном случае...» Такое стрессовое состояние за всю свою жизнь я испытала впервые. За себя я не боялась и готова была бороться. Но семья — муж и маленький сын, нужно было подумать о них.

Говорят, человек в нашей стране свободен. В чем, собственно, выражается эта свобода? В том, что я могу выйти в любое время из своей квартиры и дойти до работы, мага-

зина?

Когда в 1985 году меня, как преподавателя кафедры иностранных языков Удмуртского университета, пригласили поехать в круиз по Балтийскому морю в качестве переводчика (я владею английским и могу объясняться по-французски), я обрадовалась, но одновременно покоя не давала мысль: «Не пустят!» И не пустили, хотя на оформление было потрачено немало времени. Не пустили не только переводчиком, а даже туристом за свои деньги. Я все лето ждала, не поехав никуда в отпуск. А о том, что я не еду, узнала неделю спустя после того, как вся группа уже уехала.

Не подумайте, что жалуясь, нет. Я хочу, чтобы правда наконец-то восторжествовала. Хочу помочь нашей перестройке. Очень часто беседую со студентами, людьми разных профессий и вижу, насколько многие из них индифферентны ко всему тому, что происходит сейчас. Но одновременно социальная беззащитность связывает их по рукам и ногам.

Скажите, так как же помочь нашей перестройке?

Л. СТРЕЛКОВА,
преподаватель кафедры
иностраннх языков
Удмуртского государственного
университета.

Очищающий скептицизм диалектики

В беседе «за круглым столом» (№2, 1988) совершенно справедливо поставлен вопрос о ВЛКСМ. Это — организация молодых чиновников как раз и поставляет кадры бюрократов для Административной системы.

Без молодежи перестройка никогда не приобретет революционного характера. Но именно она опутана «смирительной рубашкой» в форме комсомола. Здесь какой-то заколдованный круг. Я вспоминаю армию, техникум, университет. Сытые пос-

редственные людишки, сидевшие на первых партах и заглядывавшие в рот преподавателю, молодые чичиковы от карьеры, под презрительные взгляды своих сверстников, занимали те или иные должности в ВЛКСМ.

За долгие годы сформировался аппарат молодежного контроля со своими нравами и обычаями. Уверен, что наиболее совестливая часть юношества просто не хочет «пачкаться», вступать в ряды комсомольских функционеров. Те же, кто случайно туда попадают, быстро обюрокрачивают-

ся, перенимая нравы и дух «опытных» аппаратчиков. Беда в том, что именно они и есть резерв КПСС.

Если, как говорил Вернадский еще в 40-х годах, партия интеллектуально деградировала, то приостановился ли этот процесс впоследствии? Конечно, КПСС — политический лидер общества. Но является ли она таким же интеллектуальным лидером? (Думаю, что я тоже впадаю в риторику.) Тогда возникает парадокс: как можно, не будучи интеллектуальным и духовным авангардом, владея лишь государственными рычагами, повести за собой остальную часть общества?

Собственно, а есть ли у нас лидеры вообще? Думаю, что такие люди есть, но они не видны. Они есть в каждой ячейке и выступают, как неформальные лидеры, являются носителями нормального «скептицизма» ввиду нереализованности своих способностей. Поэтому «механизм торможения» действует и в самой КПСС, и в рядах тех, кто остался за ее бортом.

Нельзя думать, что Административная система сама по себе есть этот механизм. Она — рычаг. И рычаг очень сильный. Так в чьих он руках? Если в руках КПСС, то как можно говорить о его сопротивлении? Это абсурдно. Это то же, что сказать, будто художнику перестала повиноваться кисть.

Агропром — супермонополия в сельском хозяйстве. Комитет по народному образованию — такая же монополия в сфере формирования

юношества. Сейчас говорят об организации единой системы контроля.

Если диалектика верна, то ни одна система не отмирает прежде, чем исчерпает все свои силы. Сейчас, кажется, происходит чудовищное расхождение между желанием (часто ведущим в Ад) и возможностями. Именно последние все будут возвращать на круги своя. Желание демократии посредством «волков в овечьих шкурах» ведет к новому витку — к «Суперадминистративной системе», о которой мы будем говорить через несколько лет как об очевидной реальности.

Но, может быть, всем нам надо «переболеть»? Для этого надо не перескакивать через естественные, если вспомнить историю, этапы очищающего скептицизма. Нужен честный подход. Старые же идеологические методы (машина пропаганды, в отличие от КГБ, после войны осталась нетронутой) уже сейчас превратили «перестройку» в такой же символ, каким во времена Хрущева был «коммунизм».

Собственно, сейчас мы оцениваем публицистику не по степени интеллектуальной глубины, а — за искренность. Вот вы «копнули» очевидный факт гнилости ВЛКСМ, а мы рукоплещем.

По настоящему очищение начнется, когда сотни людей, стоящих у кормила власти дойдут до уровня хотя бы понимания идей, содержащихся в статье А. Ф. Лосева (№№2 и 3/88).

В. ЛОСЕВ, г. Днепропетровск.

Компромисс равных

Хочу добавить несколько слов к интервью Л. И. Богораз и С. А. Ковалева (№ 9/88).

Двенадцатого июня 1965 года я и еще восемь моих товарищей были арестованы за размножение и распространение работы «От диктатуры бюрократии к диктатуре пролетариата», написанной мною и моим другом Сергеем Хахаевым. То, что

мы осуждали в негативной части этой брошюры, сегодня уже звучит банальностью. В позитивной — возлагали надежды на пролетариат и цитировали «Коммунистический манифест». Арест наш прошел незаметно, рабочие не стали бастовать и строить баррикады...

Сколько ни расходились мы тогда с общепринятой идеологией, историю

своего общества мы все-таки знали по «Краткому курсу истории ВКП(б)», да по детской книжке «Мальчик из Уржума». Пролетариат в нашем воображении и реальные рабочие не имели между собой ничего общего. Та сила, на которую мы рассчитывали в своих попытках возродить социализм в стране, оказалась мифом.

Группы типа нашего «Союза коммунар» возникали и прежде, но результат всегда был один ликвидация очередной подпольной группы уничтожала ее окончательно. Правда, чтобы добиться этого, приходилось расшевелить, пропустить через обыски, допросы, увольнения такую уйму народа, что сам административный «успех» превращался в общественное событие, куда более заметное, чем погибшая конспирация.

1965 год, положивший конец существованию «Союза коммунар», стал первым годом нового общественного движения — правозащитного. Было ли движение 60—70-х годов действительно правозащитным, как говорили и искренне верили большинству его участников? Не носило ли оно политического характера? Для ответа на этот вопрос полезно провести аналогию с движением декабристов, которые, являясь дворянами, разбудили не только Герцена, но и все общественные силы, включая Александра Второго, и привели через три с лишним десятка лет к освобождению крестьян.

Правозащитное движение также существовало недаром. Как отмечал еще Пушкин, «правление у нас единственный европеец, от него одного зависит, не стать ли ему в тысячу раз хуже, никто этого даже бы и не заметил».

Не только события в Чернобыле и аналогичные им привели к настроениям, способствовавшим перестройке, но изменения представляли власть имущих о том, что можно и чего нельзя в цивилизованном государстве, изменения, во многом связанные с проповедью правозащитников.

Наступил, судя по всему, новый этап социального развития нашей страны. Этап, на котором ведущей силой становится либеральная часть партаппарата, творческие работники, работники прессы, менеджеры, то есть люди, ангажированные системой. Способны ли они довести перестройку до степени, необходимой для процветания страны и народа? Сегодня делаются только первые шаги. Чересчур робкие? Возможно. Но можно ли шагнуть шире? Не расплачиваемся ли мы сегодня за вчерашние «большие скачки»?

Одна из бед, если не главная беда нашей страны, состоит в том, что государство у нас проглотило, сожрало общество. Даже «Общество кролиководов», стало частью государственной машины. Государство спускает ему устав и назначает руководство, объединяя любителей длинноухих во всесоюзную организацию, члены которой абсолютно бессильны перед этим кроличьим Левиафаном.

Но государство — это, прежде всего, аппарат принуждения, насилия, проявляемого в самых разных формах — понизить в должности, уволить, сослать, арестовать, убить. За несвоевременные мысли, за плохое качество продукции, за нарушение финансовой дисциплины. Можно ли с помощью насилия улучшить качество товаров, сервис, дисциплину, охрану культурного наследия, семейные отношения, мораль?

К несчастью, даже сегодня большинство жителей этой страны ответят: «ДА!». Сегодня уже не мы, «диссиденты», стали инакомыслящими в своей стране, но и сама власть, которая пытается предотвратить развал экономики, разрушение морали, распад всего, что еще не распалось.

«Нас» и «их» объединяют сегодня не только уроки Афганистана и Чернобыля. На горизонте появилось зловещее общество «Память», которое официальная пресса не решается назвать его настоящим именем — национал-социализм, нацизм.

В стране, где всё приучало людей к мысли о том, что насилие есть универсальная панацея от всех бед, в то время, как перестройка экономики неизбежно вызовет ряд негативных для рядового обывателя явлений, потенциальная угроза фашизма безусловно заслуживает самого серьезного внимания.

В случае его победы «масонами» — следовательно, жертвами фашистского террора — окажутся сегодняшние либералы. И, судя по всему, достаточная часть тех, кто сегодня отвечает за судьбы страны, это понимает.

А общество? Чтобы оставаться самим собою, должно оставаться независимым от государства, независимым настолько, чтобы не говорить «да» в ответ на каждое заявление «сверху», но и не говорить «нет» только потому, что наверху хотят слышать «да» — привычки,

воспитанной в нас «Кратким курсом».

До тех пор, пока «власть» делает шаги в направлении, нужном для блага нашей страны, мы должны ее, безусловно, поддерживать. Критиковать? Да. Но не как врага, а как того, кто делает общее с нами дело. Идти на компромиссы? Безусловно, ибо никакое сотрудничество невозможно без компромиссов, ибо компромисс — это нормальный способ взаимоотношений цивилизованных людей.

Единственное, что не может быть объектом взаимных уступок, это жизнь, здоровье, судьба людей, еще находящихся в лагерях, психушках или ссылках. Каждый конкретный человек, находящийся в этих условиях, является безусловно той высшей ценностью, перед которой отступают все соображения.

Валерий РОНКИН,
г. Луга, Ленинградская обл.

ИЗ ПОЧТЫ ФОНДА МИРА

Все, что имели

Более трех миллионов рублей за год внесли оренбуржцы на счет СФМ. Это деньги от субботников, ярмарок солидарности и личные сбережения. А недавно к ним добавилась сумма от супругов Голубых из города Орска. Владимир Кузьмич и Александра Ивановна прожили большую и нелегкую жизнь. На двоих им 177 лет. Он — бывший бухгалтер, участник Великой Отечественной войны. Супруга работала нянечкой в детских садах. Судьба распорядилась так, что их единственный сын Игорь умер молодым, близких родственников не осталось. Оба получают от государства пенсию. На дело укрепления мира они передали все накопления — 6.668 рублей.

ДЕМОКРАТИЯ ЕСТЬ КОНФЛИКТ

ПОИСК ПРАВОВОГО РЕШЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ В СССР

Ни о чем в прошедший год столько не говорили, как о национальных движениях и проблемах. Формирование массовых демократических движений в поддержку перестройки в Прибалтике, геноцид в Сумгаите, конституционные споры Армении и Азербайджана... Внутренняя жизнь народов СССР вдруг приобрела разнообразие и захватывающий интерес, которым, казалось, отличается лишь международная хроника. Содружество наций, каким был задуман Союз, потребовало надежных конкретных форм для своей реализации.

Что это — экстраординарный кризис или конфликт как норма жизни социалистической демократии! Норма необходимого согласования законных интересов, к которой придется привыкать всем — народам, гражданам, государству! Об этом размышляют собравшиеся в редакции специалисты: **БОРОДКИН Ф. М.**, доктор экономических наук из сибирского Академгородка; **ПРИГОЖИН А. И.**, доктор философских наук; **ПЧЕЛИНЦЕВ О. С.**, доктор географических наук; **ГОЗМАН Л. Я.**, кандидат психологических наук; кандидаты исторических наук: **КРУПНИК И. И.**, **СТАРОВОЙТОВА Г. В.**, **РУДЕНСКИЙ Н. Е.**, **ЧЛЕНОВ М. А.**; **ИСТОШИН И. Ю.**, **ФАДИН А. В.**, научные сотрудники.

Г. СТАРОВОЙТОВА. Если бы перестройка не началась с экономической или социальной сферы, она могла бы начаться со сферы национальных отношений — настолько острыми и насущными оказались гаящиеся там проблемы, настолько существенные интересы миллионов людей затронуты в этой сфере. И сегодня становится ясно, что эти интересы не могут быть сведены к интересам просто экономическим — или социальным.

Случилось так, что беззакония сталинской эпохи в отношении судеб отдельных людей были повторены в судьбах целых народов. Можно назвать такие яв-

ления, как репрессии против национальной интеллигенции, которую безоглядно объявляли националистической. Причем, если эти репрессии относятся к крупным народам — те могут воспроизвести в течение одного-двух поколений свою национальную интеллигенцию. Но если речь идет о малых народах, допустим, о народах Севера, то такая потеря может оказаться для национальной культуры невосполнимой. Можно вспомнить такие трагические страницы нашей истории, как объявление целых народов «врагами». С исконных этнических территорий переселялись, согласно принципу коллективной ответственности, так называемые

«наказанные» народы. Далеко не во всем историческая справедливость здесь восстановлена.

В тридцатые—сороковые годы довольно произвольно шло определение статуса национально-государственных образований. Проведение межэтнических границ велось без достаточного учета этнического состава населения на какой-либо территории, без учета волеизъявления народа, а статус национально-государственного образования определялся без учета численности. Скажем, мы имеем Эстонскую союзную республику, эстонцев — миллион. Зато около семи миллионов татар имеют только автономную республику. Мы имеем такие нонсенсы, как Аджарская АССР при почти полном отсутствии аджарцев по переписи 1979 года. В Еврейской автономной области менее восьми процентов населения составляют евреи, и отнюдь не на исконной этнической территории.

Сюда можно отнести и проблемы Каракалпакии, которая была то автономной областью, то АССР; входила последовательно в состав Туркестана, Казахстана, РСФСР, Узбекистана, а сейчас испытывает тяжелейшие экологические проблемы в связи с высыханием Арала. Изменялся статус или принадлежность Крыма, Тувинской АССР, Карело-Финской ССР. На самом деле критерии национально-государственного строительства не выработаны до сих пор, но наблюдается общий страх тронуть то, что есть, нарушить статус кво, поэтому так держатся за незыблемость границ. Начать решение этих проблем трудно потому, что ясно: решив одну, придется решать вторую, третью и т. д.

Сегодня мы столкнулись с трудной политической ситуацией в Закавказском регионе. Конституция казалась хороша, пока она оставалась совокупностью идеологических лозунгов. Но как только один из народов нашей страны применил конституционные формулы для решения своих проблем, оказалось, что ее статьи в качестве инструмента не работают. Некоторые — не соответствуют духу основного закона, а другие противоречат друг другу буквально. Я

имею в виду беспрецедентную в нашей истории ситуацию, когда две республики, соблюдая конституционные нормы, выразили противоположные стремления. Ситуация в известном смысле «патовая», очень трудная для управленцев.

К сожалению, здесь многое упирается также в недостаточную обоснованность статуса разных национально-государственных образований. Оказывается, что разными правами обладают автономные области, автономные ССР, союзные республики, и таким образом не воля народа, а статус образования может влиять на дальнейшую судьбу его населения. Народы, а не области или республики должны решать свою судьбу! Национальные движения, олицетворяющие стремление к реализации народовластия приобретают все больший размах в Эстонии, Закавказье, других областях. И к этому оказались не готовы ни эксперты, ни специалисты, ни управленцы, ни средства массовой информации.

К сожалению, до сих пор национальная политика понималась у нас прежде всего как политика инвестирования в экономику определенного национально-государственного образования.

И конечно, мы все привыкли к той формуле, что политика — это концентрированное выражение экономики. Но приходится приходить к такому пониманию, что национальная политика — это особый вид гуманитарной, преимущественно правовой деятельности, направленной на удовлетворение широкого спектра национальных потребностей. И эта деятельность не сводима к экономическим мероприятиям.

А. ПРИГОЖИН. Я хотел бы расставить социально-политические акценты в этой проблематике.

Первое: **демократия есть конфликт.** К этому надо привыкнуть. Признать и принять. Конфликт открытый, во многих случаях — непрерывный, но в отличие от конфликтов, которые возникают в деспотической системе, — конфликт

мирный. И межнациональные конфликты в демократических условиях — норма. Другое дело, что их надо уметь решать демократическими методами.

Надо сказать, что в нашем обществе, при экономической, материальной бедности, есть еще бедность социальная, то есть дефицит социальных механизмов разрешения проблем. Например, нехватка норм и механизмов общественных дебатов между противостоящими сторонами приводит к сгущкам, к насилию как способу навязать какое-то решение. А на самом деле нужны социальные технологии, некоторые процедуры переговоров, дебатов по научно обоснованной и проверенной методике. Такие социальные технологии есть, они имеют массу вариантов, но сферы политики и межнациональных отношений они не касаются.

Второй принцип, — в межнациональных противоречиях надо **отделять горизонтальное от вертикального**. Горизонтальное — это собственно межнациональные отношения, а вертикальное — это отношения власти, политические отношения. Что я имею в виду?

В ситуации вокруг Карабаха я вижу преломление вертикального отношения в горизонталь. Ибо межнациональные распри, межнациональные требования есть веками отработанный и близлежащий к массовому человеку канал выявления недовольства, притом что вертикальные отношения в нашем обществе блокированы, несерьезны и бездейственны.

Возьмем ситуацию в Алма-Ате. Конфликт вылился в форму казахско-русского, в то время как выступление казахов было реакцией на неприемлемый для них способ замещения первой должности в республике. А национальный — самый близкий, самый простой, самый доступный канал выражения недовольства. И туда вылескивается многое из того, чему не дано хода по вертикали.

Третье: основные проблемные линии межнациональных отношений. Я полагаю, что на первом месте, по проблемности в межнациональных отношениях стоит **русский этнос**. Из русских составляется руководство, они преобладают

среди глав основных органов власти, в Академии наук, в ЦК, в ВЦСПС и так далее. Но еще и в национальных республиках русские руководители занимают также особое положение.

Иначе говоря, это народ — патрон по отношению к другим национальностям. Например, всесоюзная Академия наук СССР одновременно рассчитана на РСФСР. То же самое — ЦК партии, ВЦСПС, комсомол.

Но кроме того, народ-патрон оказывается и народом-медиатором. Потому что связующий язык между прибалтами, например, единственный общий язык — русский. То же между закавказскими народами и среднеазиатскими народами. Да и русская территория как бы связывает все остальные, которые расположены по окраинам, по периметру России.

Проблемность этого блока состоит в растущих претензиях остальных «республиканских народов» по отношению к русским. Именно с русскими связывают те просчеты, пороки общественной системы, в которой живут и все остальные народы.

Русофобия возрождается даже в Белоруссии, которая, пожалуй, в этническом отношении, да и психологически больше всего слилась с Россией.

Обычное фольклорное выражение этого отношения: «Русские сами не живут и другим не дают». Это можно услышать и в Прибалтике, и в Грузии.

Другой проблемный блок — помимо русских — я бы назвал прибалтов. Там две линии активной разработки, вылившейся теперь уже в общенародное движение, — экономическая и политическая. Экономическая состоит в республиканском хозрасчете, а политическая выражается в концепции Народного фронта — то есть построения других общественно-политических отношений как альтернативы существующим, с полным сознанием того, что это будет пример для других регионов.

Третий проблемный блок — это, конечно, исламский регион. Потому что обособление — и экономическое, а главным образом, политическое исламских республик, как, впрочем, и христианских республик Закавказья, опасно прежде всего для них самих: их мест-

ная, домашняя, родная бюрократия осуществила бы над ними такую степень террора и эксплуатации, которая несопоставима с теми безобразиями, которые делались от имени Москвы.

Еще один проблемный блок — это «наказанные нации». Я был в Ферганской долине на собрании крымских татар. Можно себе представить человека, с детства терроризируемого кличкой «предатель». Любой конфликт, который у него возникает, обязательно оборачивается для него этим унижением. И вся идея поэтому сводится к возвращению на родину.

Но возникли новые наказанные народы. Это, например, каракалпаки. Их постигла ужасная экологическая катастрофа, прежде всего из-за пренебрежения соседей их национальными интересами, безответственностью. В Каракалпакии я попал в типичный аул Учсай, где продолжительность жизни составляет в среднем 38—42 года (перекося климата, отравление гербицидами, нищета).

Проблема восстановления статуса этих народов, мне кажется, есть забота прежде всего народа-медиатора, народа-патрона.

Г. СТАРОВОЙТОВА. Перестройка, которая идет в Москве, дает им надежду на преодоление, на разрушение той чудовищной системы, которая у них пока мало тронула.

Л. ГОЗМАН. Да — дебаты вещь нормальная, да — демократия есть конфликт непрерывный, неизбежный. К сожалению, опыт конфликта у нас сегодня приобретает на нездоровой основе.

Я хочу, как психолог, высказать несколько предположений о возможных причинах. Первая — это **неприятие разнообразия** как такового.

Я думаю, что одной из психологических баз демократического общества является принятие разнообразия. Та система координат, в которой оценивается мир средним советским человеком, это исключительно простая, двух-трехмерная модель, в которой легко возникает образ врага и образ «свой — чужой» доминирует: другой человек — враг, другой этнос — враг...

Вторая причина — это трудности формирования национальной идентичности. Мне кажется, что наше государство в течение многих лет успешно боролось с такими традиционными формами защиты человека от тоталитарного строя, как религия, семья, собственность и так далее. Национальное самосознание тоже является какой-то формой защиты. Чем-то, что идет не от лидера, не от власти предрешающих, что тебе дано и что составляет основу твоего самоуважения.

Мне кажется, что все нормальные, удобные, легкие, неагрессивные способы формирования национальной идентичности были уничтожены либо затруднены. А кроме того были уничтожены группы среднего уровня землячества, профессиональные цеха и многое другое. И единственной группой, которую нельзя уничтожить, но у которой можно отнять все основания для идентификации, является национальность. Получается, что человек может почувствовать себя членом какой-то группы только как этнический человек. Реальных форм для этого у многих нет, потому что забыта национальная культура, забыты языки. И тогда, самый простой путь к идентификации — это противостояние врагу. То есть мы потому «мы», что мы — не «они», а «они» — сволочи, развратники, взяточники, воры, кто угодно. не имеет значения, кто.

Еще одна причина — это отсутствие легальных форм протеста. Кроме того, что нет политических форм выражения, каналов для недовольства, нет и психологических форм.

Дело в том, что у нас сложился стереотип «хорошего человека». Хороший человек не испытывает гнева на близких, на свое правительство, он не должен гневаться на другие народы... Ему выделено было несколько разрешенных врагов: американский империализм, международный сионизм, германский реваншизм, но даже с ними начинаются проблемы. Германского реваншизма вроде бы нет, американский империализм уже размыт, международный сионизм тоже как-то неубедителен...

Негативные чувства есть нормальный компонент человеческой жизни. Ненависть не есть альтернатива любви

(альтернатива любви — равнодушие), ненависть — ее компонент. И если у человека нет права на выражение негативных чувств, то он вынужден эти чувства загонять вглубь. Это ведет к неврозам, коллективным и индивидуальным. Либо он должен получить оправдание — почему он, такой хороший интернационалист, все-таки не любит евреев, туркмен, соседей, вообще всех вокруг? Наверное, они «плохие» — вот и оправдание!

И еще — отсутствие возможности что-либо сделать, чувство бессилия. Ни от кого абсолютно ничего не зависит. Никто ничего не может реально сделать. Поэтому враг размыт, непобедим, вездесущ. Смотрите — во всех теориях заговора враг таен. Масоны, ЦРУ, бюрократия — враг таков, что его нельзя потрогать. Единственная форма борьбы — это преданность своему вождю, своему движению. Ему полностью передается ответственность, а сам ничего не делаешь, только выполняешь приказы. Вождь знает врага, знает, как с ним бороться.

Недалеки отсюда, увы, рассуждения интеллигентных людей, которые не осмеливаются сказать, что в наших бедах повинны какие-то этносы, но они осмеливаются сказать, что в наших бедах повинны министерства... Я думаю, что разговоры о 18-миллионной бюрократии, «из-за» которой все наши несчастья, национальные и многонациональные, — это то же самое, что разоблачения «жидомасонов». Потому что эти бюрократы также вездесущи, как эти самые масоны. Я бы сказал, это — национализм для интеллигентных людей, которые не признают национальных предрассудков.

Я совершенно убежден, что тот уровень ненависти, который мы сегодня имеем в стране, не следует непосредственно из имеющихся объективных экономических, политических, территориальных и других трудностей. Я не недооцениваю таких страшных проблем, как проблема наказанных народов. Но уверен, что ненависть, имеющаяся на сегодняшний день, выше, чем если бы она была просто функцией этих самых аргументов.

Ф. БОРОДКИН. Мне кажется, имеет смысл говорить не только о межнациональных отношениях, но и о национальной политике, о деятельности определенных групп, для которых национальные отношения являются средством достижения своих целей и удовлетворения своих потребностей. И с этой точки зрения никакая нация не представляет собой единства. Нет азербайджанцев агрессивных и не агрессивных. Нет агрессивных и неагрессивных армян, татар и т.д. Каждый из этих этносов дифференцирован.

Я хочу повернуть разговор в гораздо более беспокойную сторону, поставив вопрос о том, во-первых, откуда взялось существующее положение, где источники негативных национальных чувств?

Второе: чья это политика? Можно ли каким-то путем идентифицировать группы, которые заинтересованы в такой политике? Если их не найти, мы не поймем, как решать те проблемы, которые сейчас встали.

И третий важный вопрос. Какое место занимает во всех этих взаимоотношениях центральная политическая проблема — проблема структуры и распределения власти?

Политика — деятельность групповая. И в этой деятельности, конечно, есть внутринациональные связи, но есть и межнациональные группы, старающиеся удержать власть в своих руках, поскольку это выгодно. И поддерживая для этого межнациональную рознь. Эти механизмы достойны самого пристального исследования. Я бы сказал, даже, что так называемый национальный вопрос — это, вообще говоря, межнациональная крошка, в которой абсолютно все смешано: экономические проблемы, не имеющие национального оттенка, проблемы власти, не имеющие национального оттенка. А вот результаты исторического развития, структура власти — это имеет этническую специфику. Мне кажется, надо особо выделить проблему власти и групповой характер национальной политики.

И. КРУПНИК. Во-первых, откуда такой всплеск, такой взрыв национальных проблем?

Не сталкиваемся ли мы просто с нормальным явлением возвращения этничности в нашу жизнь, обратным ходом качелей после того, как очень длительное время этничность как таковая была если не исторгнута совсем, то вытеснена на периферию духовной жизни?

И так ли уникальна наша ситуация? Возвращение к этничности весь мир переживал, начиная с конца второй мировой войны. Сначала на всплеске антиколониального национально-освободительного движения в третьем мире, затем и развитые индустриальные страны неожиданно для себя в шестидесятые годы оказались в центре бури межнациональных процессов. Мы это изучали, описывали безотносительно к процессам внутри СССР. И сейчас мы платим за это, платим тем, что процессы, на которые в других странах понадобились десятилетия, у нас происходят с удвоенной быстротой. Потому мы столь бурно переживаем сейчас все то, что другие могли пережить в более спокойных формах.

И еще я хотел бы призвать вас всех отвлечься от проблемы поиска коррумпированных мафий. На этой основе мы никогда не найдем, мне кажется, объяснения своих проблем. Выдвижение на место прежних «врагов» — новых «антиперестроечных» мафий не приблизит нас к пониманию наших проблем. Мы будем вместо этого бесконечно обсуждать, какая мафия, где протянула свой щупальца, и насколько мы бессильны эти щупальца обрубить.

М. ЧЛЕНОВ. Мне думается, следует признать, что определенный взрыв этничности, который происходит сейчас в стране, является достаточно закономерной реакцией на кризис интернационалистской идеологии. Вызван он не ее сутью, а практикой ее реализации на протяжении многих лет. В мировой истории это явление не новое. Два блока идеологии: интернационалистский и националистический находятся действительно в положении постоянного баланса, они подобны весам, чашки которых то поднимаются, то опускаются в зависимости от того, как идут дела в том или ином государстве.

Если говорить о практике, которая привела к кризису интернационалистской идеологии, то следует признать, что в сфере национальной политики она на протяжении нескольких десятков лет носила в целом ряде случаев этноцидный характер. Этноцид не тождественен геноциду, это — политика и практика, направленная на намеренное уничтожение этнической и культурной специфики данного народа.

Можно сослаться хотя бы на «наказанные народы». Естественно, что наказание их не ограничилось лишением территории. В течение долгого времени, вплоть до 56—57 годов эти этнические группы намеренно были лишены со стороны правящих групп государства всех возможностей каким-то образом проявлять свою национальную самостоятельность. Или, по крайней мере, ее поддерживать. У нас любят говорить, что национальные проблемы в сущности сводятся к комплексу нерешенных экономических проблем. Вот, дескать, решим ряд экономических вопросов, и все станет на свои места. Но дело этим, конечно, не исчерпывается.

Существует, например, проблема дисперсных групп. В ее рамках есть еврейский блок, исключительно важный, острый, а с другой стороны, пока еще замалчиваемый нашей прессой.

Еврейская проблема очень специфична. Территориальный вопрос здесь не стоит. Еврейская автономная область, существующая на Дальнем Востоке, за 50 лет своего существования продемонстрировала свою полную неспособность как-то влиять на судьбы еврейского народа в СССР.

Экология и экономика для еврейского блока, как и для сходных с ним, но более мелких типов ассирийского, цыганского и т. д. также не существенна. Для них она не несет национального аспекта.

Вместо территории, экологии, экономики на первое место здесь выступает понятие этнической культуры.

Советская национальная политика в предыдущие десятилетия сводилась к созданию для евреев некоторых, большей частью эфемерных культурных институций. Эфемерных потому, что они

были направлены на потребление культуры, а не на соучастие в ней.

Второй аспект — и тут мы выходим на тот уровень национального вопроса, который мы пока еще не затрагивали, — это проблема эмиграции, которая касается евреев, немцев, сейчас уже в большом количестве, — армян. Специфика этого явления в том, что оно имеет внешнеполитический аспект.

Наконец, третий аспект — это антисемитизм. Три такие «корзины»: культура, эмиграция и антинациональная идеология составляют, на мой взгляд, сущность еврейского вопроса. Правда, сюда еще присоединяю сионизм. Но что это такое?

Я недавно спрашивал разных людей, не имеющих никакого отношения к сионизму, как они понимают это слово? Никто не сказал мне, что это идеология и практика мировой еврейской буржуазии. Но все говорили, что сионизм — это крайний еврейский шовинизм. Когда же я просил привести примеры этого крайнего шовинизма, мне говорили ну, например, призыв к евреям СССР уезжать в Израиль. Недавно в телепрограмме «Взгляд» было выступление цензора, который сказал о том, что у нас цензура снята со всего, кроме сионистской и антисионистской литературы. Почему? Ведь есть множество разных национализмов, но выделен почему-то только этот.

Под этим лозунгом в спецхран до недавних пор отправляли все, что касается еврейства, — включая еврейскую поваренную книгу, которую я сам там видел. Путаница в понятии «сионизм» создает угрозу совершенно неадекватного восприятия этой проблемы, создания антиеврейского стереотипа и «образа врагов». Строго говоря, сионизм в СССР — это и есть классический образ врага.

В заключение хочется еще сказать, что одна из тяжелейших наших ситуаций — отсутствие экспертов по национальной проблеме. Это делает наше общество беспомощным перед внезапно возникшими национальными вопросами. Экспертов по сути дела нет. Здесь в частности можно сослаться на тот же самый «еврейский вопрос», который в результате тайных экспертных оценок

никак не может стать предметом нормального гласного обсуждения.

Отсутствие экспертов и гласности ведет к отсутствию знания. А власть, не опирающаяся на знание, — беспомощна.

И. ИСТОШИН. В проблеме экспертов есть и еще одна сторона: они могут быть внешними по отношению к культуре той или иной нации или народа и «внутренними», представляющими интересы народа изнутри. Это различие позволяет определенным образом отнестись и к нашему «круглому столу».

Он практически полностью состоит из москвичей, т. е. из «внешних» экспертов. Получается, что здесь собрались как бы «патроны», представители доминирующей русской и общесоюзной культуры. Возможно, более объективным был бы какой-то новый «круглый стол» с «внутренними» экспертами, с представителями различных национальных групп нашего многонационального общества.

Очевидно, речь идет о необходимости учитывать субъективность народов. В самом деле, иногда можно столкнуться с таким, например, рассуждением: если бы мы наладили им то-то и то-то, — ничего бы не случилось! А национальные проблемы как раз и возникают из-за того, что есть какие-то «мы», кто решает за народ — за «них» что «им» объективно нужно, а что не нужно. Повсеместно наблюдаемый в мире взрыв этничности во многом отражает суть внутренних процессов развития больших систем, их саморазвития, «самодвижения». Необходимым условием становления народа как нации является то, что он сам начинает регулировать свои отношения со средой (с природной или социальной). Народ начинает решать вопрос о том, какие из отношений со средой являются приоритетными, доминирующими, а какие второстепенными, подчиненными. Например, в Каракалпакии уровень субъективности можно, по-видимому, рассматривать как начальный — это уровень осознания своих отношений. Но еще не самостоятельного выражения осознанного. И — главное — этот уровень не перешел еще в следующую, действительную фазу. Пока каракалпакский

народ занимает позицию подчиненности «центру», а не формирует собственные органы самоуправления. А вот в ЭССР возникла и реализуется идея регионального республиканского хозрасчета, сформировался Народный фронт.

О. ПЧЕЛИНЦЕВ. Я хотел бы остановиться на вопросе, который в самом начале поставила Г. В. Старовойтова: этнос и территория. Он важен не только в теоретическом, но и в практическом отношении, затрагивает и сферу каких-то политических решений.

И в этой связи я высказался бы за стабильность существующих административно-территориальных, республиканских границ, как за некоторый самоценный фактор. Прежде всего потому, что любая акция в этой области, как бы ни казалось она изолированной и оправданной сама по себе, привела бы к цепной реакции. У нас 55 миллионов советских граждан живут за пределами своих национальных территорий, и любое действие в этой области двинет камень с горы.

В общем, проблема межнациональных отношений сводится в конечном счете к выбору оптимальной формы национального существования, самоопределению не в ущерб другим национальностям. К примеру, возникла ли бы проблема того же Карабаха, если бы у нас низовые территориальные уровни обладали бы той мерой самостоятельности в решении своих бытовых проблем, как, допустим, кантоны в Швейцарии? Полагаю, нет.

Я бы в этом смысле даже высказался за некую формулу, которая напминает когда-то сформулированное отношение к религии. В условиях действительно развитой демократии, когда национальное становится каким-то аспектом интимного отношения человека к традициям, корням и прочему, почему бы нам не ставить задачу **отделения национальности от государства?** Я имею в виду, что с государством ассоциируется весь комплекс гражданства, по отношению к которому люди любых национальностей могут и должны выступать как равные. Я понимаю, что это сложно, когда очень многие республики едва приобретают самосознание. Но ес-

ли соответствующая нация сформирована, то, по-моему, дальнейшая политика могла бы как раз заключаться в этой формуле.

С точки зрения моей как экономиста, видимо, очень серьезной и конструктивной формулой для союзных республик прежде всего, для ближайшего будущего представляется развитие республиканского хозрасчета. Это сразу объединяет решение национальной проблемы с решением других проблем нашего общества, как известно, поставившего во главу угла экономическую реформу. В этой связи я хотел бы отметить, что в самом корне всех национальных коллизий стоит проблема оптимальной **мирооткрытости** национального существования. Это очень серьезно. И территориальный хозрасчет должен звучать как поиск этой оптимальной мирооткрытости.

Н. РУДЕНСКИЙ. Мне представляется, что лозунг республиканского хозрасчета, при всей его привлекательности, не является первоочередным. Если мы сейчас, как у нас принято, соответствующим постановлением ЦК и Совмина, перейдем к этой системе, это может привести к последствиям непредвиденным и негативным. Пока остается неприкосновенной командно-административная система управления, республиканский хозрасчет приведет к тому, что власть перейдет к национальным бюрократическим группировкам (от термина «мафия» я все-таки воздержусь!).

О. Пчелинцев утверждает, что нам следует соблюдать принцип нерушимости границ, ибо за любым отступлением от него последует непредсказуемая цепная реакция. Я думаю, нам следует создать жизнеспособную систему правового регулирования национально-территориальных отношений. И в рамках этой системы можно создать демократические механизмы изменения границ.

А. ФАДИН. Отделение национальности от государства — это ключевой вопрос государственного существования СССР. Потому что в пределе существуют только две альтернативы развития. Либо мы продолжаем существовать как

государство, которое провозглашает основой своей многонациональность — и каждая национальность в таком случае имеет свои государственные признаки. Либо мы осуществляем радикальную смену парадигмы развития, — снимая государственную «накачку» национальной проблематики и проводим политику равной руки. Чувствуют себя люди родственниками по национальности, по языку, по самосознанию — пусть объединяются и на основах культурно-национальной автономии далают что угодно.

Оба эти пути имеют свою логику. Если мы идем по пути национально-государственного плюрализма, действительно, другого пути, как неизбежное переаключение договора о создании СССР, нет. Мы должны снова поставить вопрос нашего государственного существования и подтвердить добровольность Союза.

Это одна логика развития. Она более традиционна для советского пути развития. Другая — условно назовем ее «американским путем» — автономия территорий при добровольности любых национальных ассоциаций. Но в этом случае встают непреодолимые, роковые проблемы. Захотят ли малые нации, которые сегодня существуют только благодаря искусственным государственным гарантиям, лишиться их?

Но развиваться по обоим путям невозможно. Попытка сидеть на двух стульях кончается тем, что мы имеем в Карабахе.

Г. СТАРОВОЙТОВА. Специфика проблемы в нашей стране сводится к тому, что архаичные государственные формы фиксации национальности в документах (по биологической принадлежности одного из родителей) часто оказываются этнозащитной мерой. И население против отмены фиксации национальности, потому что видят в том угрозу своей национальной самобытности и угрозу русификации. Более 60 процентов москвичей также против отмены фиксации национальности. На самом деле, моноэтничность республик повышается, и значит, мы будем иметь

дело с национальными суверенными государствами. И, вероятно, ближайшая цель, которую можно ставить, это отказ от сталинского принципа автономизации и переход к истинному федерализму.

И несколько слов относительно боязни прецедента. При столкновении с высшими эшелонами власти видишь, что они всегда выдвигают этот аргумент не только как главный, а практически единственный. Мне кажется, что этот аргумент не выдерживает никакой критики, потому что это ни что иное как перекладывать бремя проблем на плечи следующих поколений. А прецеденты были, есть и будут на деле, включая изменения границ и статусов национально-государственных образований от Карело-Финской ССР до Тувинской автономной области, — сейчас АССР. Крым подарили Украине. Менялись границы между закавказскими республиками: Грузия выходила за Кавказский хребет, на Северный Кавказ, потом возвращалась в свои границы. И только в декабре 1987 г. произошла последняя смена границы между Арменией и Азербайджаном, исходя из этнического состава сел вдоль границы. Т. е. прецеденты-то есть, и это неизбежный элемент всякого развития в условиях федеративного государства. Тем более, что вопрос стоит так остро, так много исторически отягощенного опыта отношений между народами, так свежа память Сумгаита: вот этот прецедент беспрецедентен!

Н. РУДЕНСКИЙ. Если говорить о западном опыте, вспомним, что в Великобритании и Канаде проводились референдумы об отделении крупных национальных территорий (Шотландия, Уэльс, Северная Ирландия, Квебек). Там сепаратистские настроения не находили нужной поддержки, но власти не боялись на такие референдумы идти. Думаю, и нам можно быть смелее. Наша боязнь прецедента нашла яркое выражение в сообщении Государственной комиссии по крымско-татарскому вопросу, где говорилось, что национально-административные границы сложились давно, зафиксированы Конституцией и в их рамках можно решать все проблемы. Лишь в архаических обществах

считается, что то или иное общественное установление хорошо, поскольку оно давно существует. Наверно, этот ход мыслей пора менять.

И. КРУПНИК. Образ готового загореться дома — вот образ, который у всех стоит перед глазами. Тревожно видеть, что к старым тупикам прибавляются новые. В последние месяцы мы добавили к старому наследию два очень острых сегодняшних тупика, карабахский и крымско-татарский. Это значит, что кризисные ситуации мы не решаем, а увеличиваем их число.

В горящем доме есть более и менее горячие предметы. Скажем, есть ситуации, как например, ситуация в Каракалпакии, где все может сгореть подчистую. В столь же тревожном состоянии находятся малые народы Севера. Одно строительство Туруханской ГЭС приведет к полному выпатыванию всего Эвенкийского автономного округа, как это произошло уже в Ханты-Мансийском округе.

Мне кажется, что наиболее уязвимые формы должны требовать наибольшей защиты, и наибольшего внимания. Мы должны помнить о том, что у нас на руках критические ситуации, где про-

медление ведет к исчезновению этнических единиц.

Третий момент. Дело в том, что в момент создания Союза ССР он выглядел совсем не так, как сегодня. Сегодняшнее представление сводит федерацию народов СССР к союзу всего лишь пятнадцати членов. На самом деле их гораздо больше. И в момент создания это предполагалось.

Загляните в Конституцию Крымской республики, изданную в 1924 году: там ни слова нет об автономии в составе РСФСР. Там все время говорится: «Крымская Советская Социалистическая Республика», то есть она рассматривается как совершенно равноправный элемент федерации. У Крымской автономии был свой флаг и был свой герб. Кто из нас видел когда-нибудь в Москве вывешенные по случаю праздника флаги автономных республик? Гербы автономных республик?..

Мне кажется, что одним из путей смягчения напряженности была бы плюрализация на уровне образов, плюрализация нашего Союза на уровне идеологием, представление его не как «союза пятнадцати», а как союза всех автономных единиц, федерации независимых и равноправных народов!

ИЗ ПОЧТЫ ФОНДА МИРА

Святое дело

Духовенство и прихожане участвуют в укреплении Фонда мира со времени его основания, активно борются за мир во всем мире. Я обратился к настоятелю и протоиерею Василию Николаевской церкви города Лисичанска Ворошиловградской области и протоиерею той же церкви Федору с вопросом: «Ваша церковь вносит средства в Фонд мира, а что заставляет вас делать вклады из личного бюджета в «копилку мира»?

Последовал ответ настоятеля, протоиерея Василия: «Я считаю своим долгом проповедовать идеи мира и подкреплять слова делом».

Действительно, семья Василия Федоровича Сомика делает это регулярно. Слу-

чайно сохранившиеся квитанции последних четырех лет свидетельствуют: Фонд мира пополнился суммой 13000 рублей.

Затем ответил протоиерей Федор: «Мы, в том числе и я, поступаем по велению нашей христианской совести и выполняем свой гражданский долг перед Отечеством и призываем верующих не стоять в стороне от святого дела борьбы за мир и вместе со всей нашей Русской Православной Церковью участвовать в этом благородном деле».

Семья Федора Марковича Богданца тоже давно участвует в укреплении Фонда мира: за четыре года «копилка мира» получила от нее 1000 рублей.

Вл. БАБУРИН,
активист Лисичанского и Московского городских отделений Советского фонда мира.

Время врачевать

Уильям П. МЭХИДИ (США)

Трудно писать для читателей, принадлежащих к другой культуре, чей язык и способ выражения сильно отличаются от твоих собственных. Как член американской делегации, приглашенной в Советский Союз Фондом социальных изобретений при «Комсомольской правде» и как литератор, которого попросили написать статью для журнала, я начну с фразы, существующей во всех языках и культурах: «Спасибо вам большое». Спасибо за эту возможность посетить вашу страну, познакомиться с вашими людьми и побывать у них дома. Это — самая древняя и высоко ценимая форма гостеприимства, которая никогда не теряла своего значения.

Хотя последнее время поездки американцев в Советский Союз стали вполне обычным делом, визит нашей делегации имеет особое значение. Ибо мы приехали, чтобы обсудить с вами архиважную проблему, которая вам знакома лучше, чем нам. Я говорю о войне. Вы испытали страшную, опустошительную войну на своей территории в куда менее отдаленном прошлом, чем мы, американцы. Ваша героическая борьба против нацистской угрозы человечеству шла на вашей родной земле. Ваше гражданское население подверглось всем ужасам современной войны. Ваши солдаты защищали собственную родину. И сейчас еще живы миллионы людей, помнящих то страшное время.

У нас другая история. Хотя миллионы наших солдат сражались как ваши союзники во второй мировой войне, их битвы шли не на родной земле. Наши дома война не разорвала со времен Гражданской войны 1865 года. Но и тогда это не было вторжением иностранного агрессора. Мы дралась между собой. Вот почему у наших народов разная память

о войне. Ваша намного свежее и отчетливее.

Ваш Фонд социальных изобретений пригласил нашу делегацию, потому что у каждого из нас есть опыт возвращения к мирной жизни пришедших с войны ветеранов. По большей части опыт этот относится к недавнему прошлому Америки: к войне во Вьетнаме. Среди нас есть специалисты по разработке и применению протезов — люди, владеющие техникой психического реабилитации, мастера по изготовлению и применению кресел-каталок. Есть люди, которые умеют врачевать психологические и душевные раны, нанесенные войной. Мы приехали поделиться с вами тем, что знаем, и научиться у вас.

Хорошо известно, что возвращение наших ветеранов с вьетнамской войны в лоно американского общества было нелегким. Я сам испытал это. В начале были трудности с получением пособий наравне с ветеранами более старшего поколения. Были проблемы и с трудоустройством. Медицинское обслуживание было никудышним. Услуги психологов, предоставленные Управлением по делам ветеранов, поначалу были минимальными. Мы вскоре увидели, что цинизм, нигилизм и утрата смысла жизни — столь же широко распространенные последствия войны, что и смерть, разрушения и увечья. Многие наши ветераны испытали трагедию отчаяния прежде, чем пришло исцеление. Немало ветеранов — едва ли не столько же, сколько погибло в бою, — покончили жизнь самоубийством.

Когда весть о предстоящей поездке начала распространяться в кругу ветеранов Вьетнама, очень часто их реакцией было: «Я бы тоже хотел поехать». Когда люди узнавали, что мы будем встре-

чаться с ветеранами войны в Афганистане, многие были глубоко тронуты, ибо они испытывают к советским ветеранам чувство товарищества как к людям, подобно им самим, недавно вернувшимся с войны на чужой территории. Немало американцев, зная по себе, что советские бойцы могут столкнуться со стрессовыми ситуациями, возникающими при возвращении с чужой войны, просили нас передать следующее: «Скажите им, афганским ветеранам, что надежда есть». Есть надежда, что шрамы войны забудутся. Что успешное возвращение в лоно родной культуры возможно. Что выйти из темных закоулков собственной души и снова очутиться на солнечных дорогах жизни можно.

Мы приехали, чтобы поделиться с вами более чем пятнадцатилетним опытом возвращения к жизни ветеранов, сражавшихся на войне за пределами родной земли. Мы тешим себя надеждой, что вы сумеете избежать наших ошибок и сократите путь к выздоровлению. Ведь Америка не сразу занялась проблемами своих ветеранов — и потеряла многих. Наше самое заветное желание — чтобы вы избежали такой трагедии.

Для всех ветеранов война — самое главное испытание в жизни. Воспоминания о боях вторгаются в сознание в течение всей жизни, формируют чувства и отношения, влияют на решения и поведение. Но призма войны накладывает на определенное умозрение, располагает в рамках определенного философского, морального и религиозного контекста. У ветеранов разных войн внутри одной культуры и ветеранов, принадлежащих к разным культурам, этот внутренний ландшафт абсолютно разный. Мы можем поделиться с вами, наши советские братья и сестры, общим опытом войны. Но угол зрения, подход к пониманию смысла войны останется у нас разным.

Мы конечно же осознаем разницу между нашими языками и культурами, а также разницу между нашими войнами. Кое-что из того, чем мы поделимся с вами, нельзя будет соотносить с советским опытом. Но многое совпадает,

потому что есть общность военной трагедии. Мы приехали еще и затем, чтобы узнать о вашем опыте. И тем самым обогатить свой народ. Совсем немаловажно разделить навязчивые и трагические воспоминания — ведь так мы снимаем с душ общую ношу.

Мы расскажем вам о длительном периоде реадaptации после возвращения из Вьетнама, когда многие ветераны бились без помощи, в одиночку, против симптомов недуга, называемого теперь «отложенный стресс»: депрессия, гнев, злость, чувство вины, расстройство сна, омертвление души, навязчивые воспоминания, тенденции к самоубийству и убийству, отчуждение и многое другое. Психиатры, обученные традиционным методам лечения, здесь не годились. В начале 70-х лишь несколько американских психиатров имели хоть какое-то понятие о лечении психических расстройств, вызванных войной. Они-то и стали нашими главными союзниками, а их влияние оказалось решающим в изменении подхода всех медиков к ветеранам. Теперь даже психиатры понимают, что во время боев все чувства подавляются ради того, чтобы выжить, но позже чувства эти выходят наружу, и на них надо реагировать.

Война поставила перед молодыми солдатами вопросы, на которые нелегко ответить. Можно ли убивать гражданских лиц? Можно ли вообще убивать другого человека? Как избавиться от чувства вины?

Большинство американцев старается жить в согласии с моральными и религиозными нормами, так что для них нет успокоения, пока эти вопросы не получат ответа. Время идет, и все больше ветеранов находят способ разобраться с такими тревожащими душу вопросами.

Управление по делам ветеранов — правительственная организация, официально отвечающая за предоставление медицинской и психологической помощи ветеранам и занимающаяся распределением денежных пособий, начала выполнять свои обязанности в отношении молодых ветеранов не сразу и очень неохотно. В конце концов эта организа-

ция создала систему местных центров по всей территории США, где ветераны Вьетнама могут получить лечение по поводу стресса. Предоставляемое там лечение по большей части нетрадиционно и включает даже группы для «выпускающей пары».

Очень важно помнить, что хотя ветераны Вьетнама столкнулись со значительными трудностями при возвращении на родину, они остались лояльными патриотически настроенными американцами. Сознание того, что ты многим пожертвовал ради своей страны, является мотивом преодоления трудностей и возникновений еще более глубоких внутренних уз со своим народом. Я уверен, что то же самое наблюдается и в Советском Союзе.

Вьетнамская война шла на чужой территории. Разумеется, ни Вьетнам, ни его армия никогда не представляли реальной угрозы Соединенным Штатам. А потому вопросы о том, почему мы там оказались, почему убивали и давали себя убивать, стали возникать с самого начала. Эти вопросы продолжают тревожить нас и сейчас. Парни возвращались домой, где никому не было дела до того, где они были и что с ними происходило. Американская общественность стала ставить под вопрос саму целесообразность войны. Многие вернувшиеся ветераны присоединились к этим протестам. Некоторые даже срывали свои медали, чтобы прилюдно, в столице страны, выразить свое отвращение. Впервые в американской истории ветераны выступили против войны, в которой сами сражались. Это разозлило многих ветеранов старшего поколения, и возникла глубокая пропасть между ветеранами второй мировой войны и ветеранами Вьетнама. Лишь совсем недавно эта пропасть начала сужаться.

По мере того, как нация все активнее протестовала против войны во Вьетнаме, много обвинений стало раздаваться в адрес возвращавшихся оттуда солдат. Люди, не имевшие понятия о войне, никогда ее не видевшие, но уверенные в справедливости своего самодовольного негодования, называли нас «убийцами младенцев» и оплевывали нас. Третья часть пролегла не между поколениями, но внутри одного поколения. Многие вете-

раны стали искать утешения в наркотиках и алкоголе.

Шрамы Вьетнама пролегли глубоко в душах поколения, повзрослевшего в ходе самой длительной в истории Америки войны. Некоторые молодые люди сознательно решали идти воевать. Других призывали, и они шли неохотно. Третьи протестовали и шли в тюрьму за отказ служить. Некоторые покидали свою страну. А кто-то пытался «спрятаться от призыва» за университетскими отсрочками. Были и такие, кто заручался врачебной справкой о непригодности к службе. А кто-то вступал в Национальную гвардию, зная, что после шестимесячной военной подготовки за океан их не отправят. Расстраивались романы и свадьбы. Вьетнамское поколение Америки обращалось против самого себя.

Сейчас мы понимаем, что нужен «круг лечения». Этот термин был впервые употреблен Шад Мешадом, членом нашей делегации, больше пятнадцать лет назад. Он подразумевает, что мало просто залечить душевные раны. Ветеранам нужна работа, нужно быть принятым в обществе, нужна возможность продолжать образование, то есть нужно все то, что составляет понятие хорошей жизни. Сейчас мы узнаем, что «круг лечения» должен включать и нечто большее. Нужно еще примириться с бывшими врагами — иначе война так и останется в наших сердцах. Несколько ветеранов уже предприняли поездки в мирный Вьетнам. Такие нечастые визиты должны перерасти в полное примирение между нашими странами. Совместно обе наши страны должны вести счет пропавшим без вести, прояснять действие дефолиантов на природу, заботиться о детях вьетнамских матерей и американских отцов. Там, где раньше имело место взаимное разрушение, теперь должна вестись совместная работа по восстановлению и реконструкции.

Поскольку мы встретились, чтобы облегчить бремя войны для наших ветеранов, мы должны честно взглянуть на непросто историческую реальность. Наши народы были врагами более семидесяти лет с небольшим перерывом между 1941 и 1945 годами, которые легкими не назовешь. После 1921 года советские и американские солдаты не сталкива-

лись в бою лицом к лицу. Но уже много лет мы выбирали себе в третьем мире «заместителей», и они дрались вместо нас. В Корее, а затем во Вьетнаме американские военнослужащие воевали, убивали и умирали в войне против противника, который был союзником и «заместителем» Советского Союза. Винтовка АК 47, бывшая на вооружении вьетнамской армии и нанесящая столько смертельных ран, изготавливалась в России. Вопрос о том, кто «настоящий» наш противник, не стоял никогда. Для ваших солдат в Афганистане ситуация было обратной. Их «настоящим» врагом были Соединенные Штаты, потому что мы поддерживали и вооружали тех, кто убивал ваших солдат.

Я уверен, что ни вы, ни мы по правде никогда не боялись вьетнамцев или афганцев. С конца второй мировой войны наши страны были единственными настоящими врагами друг друга.

И вот теперь солдаты двух противоборствующих сверхдержав, которым довелось испытать друг на друге свое оружие, впервые сошлись лицом к лицу в условиях мира, да еще для совместного врачевания военных ран. Не будет большим преувеличением назвать такую встречу исторической.

Если «круг лечения» можно завершить только в мире, значит, между нами должен в конце концов установиться мир. Когда-нибудь нам придется примириться с Вьетнамом, а вам с Афганистаном, но даже в таком виде мир будет неполным, если мы не протянем друг другу руки. Если мы не сумеем сделать этого, история вынесет нам суровый приговор. Только если мы, советские люди и американцы, вместе придем к успеху дорогой мира и дружбы,

только в этом случае наше тяжелое прошлое приобретет хоть какой-то реальный смысл.

Стив Мейсон, поэт-ветеран вьетнамской войны, считает, что перед каждым солдатом на любой войне стоит одна последняя миссия:

«Есть только одно дело ради которого стоит жить: бороться за мир в наших сердцах против жестокого врага — нашей собственной темной природы. А еще — шагать нога к ноге с ветеранами всех войн и народов — ради человеческого достоинства».

Наконец-то мы встретились лицом к лицу. Давайте же вместе возьмем на себя самую последнюю и самую важную миссию. Шагая вместе к миру, давайте привлекать к нашему маршу бойцов из других стран: друзей и недругов, союзников и врагов.

«И тогда, — как пишет Мейсон, — пройдем мы, как на смотре, и услышим, как человечество шепчет на ухо богам: «вон идут наши»».

Об авторе. Уильям П. Мэхиги родился 30 июня 1936 года в Сан-Диего, Калифорния. Имеет степени магистра философии и теологии. Женат, двое детей. Преподавал в колледжах, в 1970 — 73 годах служил армейским капелланом, был во Вьетнаме. В настоящее время — пастор студенческой Епископальной Церкви в Университете Калифорнии в Сан-Диего.

В 1974 — 1981 годах работал в Управлении по делам ветеранов. Принимал участие в разработке программы работы с ветеранами и в создании их реабилитационных центров. Автор статей и нескольких книг.

ЛЕГКО ЛИ СТАТЬ ЕВРОПОЙ?

Андраник МИГРАНЯН

Выступая на одном из самых представительных симпозиумов с участием плеяды ведущих интеллектуалов Запада по проблемам свободы в начале II мировой войны, итальянский философ Б. Кроче обвинил англичан в том, что на них ложится часть вины за безрадостное состояние мира к тому времени. Перед лицом наступающего фашизма Кроче упрекал Великобританию в том, что она отнеслась к демократии как к своему национальному достоянию, не попытавшись распространить ее повсюду в мире. Выступление Кроче свидетельствует о силе предрассудка, будто демократию можно экспортировать. Деколонизация в странах Азии, Африки и Латинской Америки показала, что подобное заблуждение владеет и умами политиков.

Ни одна страна еще безболезненно не осуществила переход от традиционных абсолютистско-олигархических систем к демократии. В этом отношении повезло Великобритании, Голландии и странам Северной Европы, где утверждение ценностей и институтов либеральной демократии происходило органично в течение столетий. В Великобритании, например, борьба за защиту личных и коммунальных прав от произвольного вмешательства королевской власти протривается, по крайней мере, с XII века. «Славная революция» 1689 г. и ее относительно безболезненный исход для англичан объясняется тем, что революция не начинала, а ставила в этой борьбе последнюю точку, оповещая об окончательной победе гражданского общества над государством. Победителем вышла либеральная демократия, ядром которой — неприкосновенность всей совокупности индивидуальных прав и свобод отдельного индивида.

Попытки же французского общества

XVIII века из одного состояния сразу же перейти в иное, реализовать на практике некую умозрительную схему организации общества ради счастья и свободы для всех, закончилась революционным террором и затяжными войнами. Токвиль как-то писал, что французские мыслители и революционеры забыли старинную истину: попытка добиться свободы немедленно есть вернейший путь к рабству. Переход Франции к демократической политической системе, начатый революцией 1789 года, практически продолжался вплоть до начала 80-х годов нашего столетия, когда блок социалистов и коммунистов, придя к власти, цементировал и придал англосаксонский характер французской политической системе: устойчивый двухполюсный центр и узкие слои радикально настроенных маргиналов на правом и левом флангах политического спектра. Но для этого Франции потребовалось почти два столетия, неисчислимое количество революций, диктатур, оклократий, смена монархий республиками и наоборот.

Некоторые другие культурные народы Европы вообще не смогли самостоятельно перейти к стабильной демократической политической системе. Сорокалетние попытки авторитарной кайзерской власти в Германии приручить в рейхстаге различные классовые и социальные интересы не дали ожидаемого результата, несмотря на высокий уровень экономического и культурного развития немецкого народа. После крушения авторитарной империи в 1918 г. немецкое общество пережило период резкой социально-классовой поляризации. Дело усугубил мировой экономический кризис — и демократические ценности, и институты, пересаженные на немецкую почву, не выдержали нагрузки. Поляриза-

ция и радикализация общественно-политической жизни в Германии привели страну в состояние хаоса, а из хаоса родился тоталитаризм правого толка — германский национал-социализм.

* * *

При идеальном, доведенном до своего предела тоталитарном режиме, происходит тотальное отчуждение народа от политической власти и собственности, поглощение государством общества и индивида, полное отчуждение граждан от индивидуальной духовной сферы в результате ее полного огосударствления и регламентации. Пропадает грань между политической и неполитической сферами жизни, исключается любая форма несанкционированной жизнедеятельности. Исчезает проблема большинства и меньшинства: законом карается инакомыслие и запрещается любое меньшинство. Формально существующие общественно-политические организации в своей деятельности тотально регламентируются тем или иным органом государства. Тоталитарный режим требует не просто лояльности к себе, но активных проявлений преданности и энтузиазма. Как правило, в таких режимах нет механизма преемственности власти, вследствие чего переход верховной власти из рук в руки чреват политическими потрясениями, закулисной возней и дворцовыми переворотами.

История не знает пока ни одного примера мирного вращаяния тоталитарной политической системы в демократическую. Немецкое тоталитарно-авторитарное государство было сломлено в результате военного разгрома, и демократические институты и ценности были навязаны Западной Германии Соединенными Штатами и их западными союзниками. Переход от идеальной тоталитарной системы к демократии невозможно осуществить в форме «большого скачка». Разгосударствление духовной, а затем и экономической сферы жизни, с институциональным оформлением различных негосударственных форм собственности, наводит общество многочисленными конфликтующими интересами. Поляри-

зация интересов и борьба их между собой увеличивают возможность хаоса и краха политической системы, которая находится в стадии радикальной перестройки. Поэтому пока будет идти нерегламентированный государством процесс возрождения гражданского общества в экономической и духовной сферах, чрезвычайно важно, чтобы в политической сфере сохранилась авторитарная власть, сознательно допускающая ограниченную или же управляемую демократию. Но такая система пользуется доверием, лишь будучи гласной. Во избежание иллюзий и подозрений у народа необходимо, чтобы власти, проводящие реформу, во всеуслышание говорили бы о необходимости временных границ демократии и объяснили причины этого. Однако авторитарная власть в этот период должна заниматься созданием демократического механизма власти и, постепенно предоставляя права и полномочия этим демократическим институтам, сохранять за собой роль арбитра и ректора. Задача авторитарной власти на этом этапе сводится к тому, чтобы обеспечить разрешение конфликта интересов в обществе через легальные политические институты публичной власти, с тем, чтобы практика конституционного компромисса вошла в привычку сторон, формируя культуру и политический быт народа. Первые шаги в этом направлении делают в настоящее время СССР, Китай и другие социалистические страны.

Так как невозможно осуществить переход к демократии из тоталитаризма, минуя довольно длительный период сохранения авторитарного режима, то считают необходимым вкратце охарактеризовать особенности этого режима и существенные черты, отличающие его от тоталитаризма.

Авторитарный режим возникает, как правило, когда происходит слом старых социально-экономических институтов общества, и поляризация сил в процессе перехода стран от традиционных структур к индустриальным. При авторитарном режиме действуют определенные элементы демократического режима: выбо-

ры, борьба политических партий в парламенте и др. Однако политические права граждан и общественно-политических организаций сужены, серьезная легальная оппозиция режиму запрещена, политическое поведение как отдельных граждан, так и политических организаций строго регламентированы. В отличие от тоталитарного режима, авторитаризм допускает дозированное инакомыслие и урезанную легальную оппозицию. Авторитарные режимы, в отличие от тоталитарных, могут эволюционировать к демократическому режиму, как это имело место за последнее десятилетие в Испании, Греции, Португалии, в странах Латинской Америки и т. д. Основная причина такого относительно безболезненного перехода, что в корне отличает авторитарный режим от тоталитарного, — наличие определенной сферы гражданского общества, свободной от тотальной регламентации со стороны политической власти. Это дает шанс образовать в рамках гражданского общества новый стабильный центр из различных социально-классовых сил и создать предпосылки для перехода авторитарной власти, (находящейся, как правило, в руках военных) в руки гражданской администрации.

В заключение мне хотелось бы остановиться на естественном вопросе — какова на сегодняшний день природа нашего политического режима? В каком направлении, с какой последовательностью мы должны модифицироваться, если хотим создать свободное правовое государство?

До середины 50-х годов в нашей стране тотальная регламентация охватывала все важнейшие сферы жизни народа: духовную, экономическую, политическую.

После XX съезда наша страна вступает в новую эпоху. В экономической и политической сферах народ по-прежнему отчужден от собственности и власти, эти сферы тотально регламентированы, зато в духовной сфере у нас произошел переход к авторитаризму. После XX съезда в обществе появляется «двоемыслие»: одно для официального потребления, другое — для себя, друзей, домашних. В этой сфере воцаряется классический авторитаризм. Режим негласно заявляет о своей готовности не вмешиваться

во внутреннюю жизнь и мысли того, кто не выступает публично или в печати против него.

Последние 30 лет были периодом подготовки духовных предпосылок перехода от авторитаризма к демократии. В это время, наряду с официальной культурой сложилась и начала развиваться неофициальная. Началась постепенная интеграция и легализация многих ценностей дореволюционной культуры и тех достижений человеческого духа вообще, которые по тем или иным причинам были исключены из цензурных списков. На каком-то этапе, примерно с середины 70-х годов, произошло сближение этих двух потоков. Как запрещенные фамилии, так и произведения из сферы неофициальной культуры стали пробиваться в официальную. Деятели культуры, ученые, формально не допущенные в официальную культуру и не облаканные властью, часто пользовались большим уважением и популярностью, чем те, кто был официально признан и постоянно находился на виду. С повышением культурного уровня должностных лиц в рамках политической иерархии, неофициальная культура и ее представители стали цениться и негласно поддерживаться такими «просвещенными аппаратчиками». И когда М. С. Горбачев провозгласил переход к политике революционной перестройки, духовная ее почва уже была готова.

По моему предположению в духовной сфере у нас уже сложилось гражданское общество, которое и стало опорой нового курса, чего, к сожалению, нет еще в других сферах. За последние три года мы практически перешли к управляемой демократии в духовной сфере. В последнее время здесь появились даже ростки полной демократии со всеми ее атрибутами. Мне кажется, что выпешедший недавно сборник «Иного не дано» оповестил о вступлении нашей страны и политического режима в этап безцензурного, нерегламентированного развития духовной сферы, когда каждый институт, каждое явление в нашем обществе может предстать перед критическим разумом исследователя, независимо от мнения и решений тех или иных могущественных сил государства.

Я думаю, у нас начался переход от тоталитаризма к авторитаризму и в экономической сфере, по крайней мере, на уровне научных разработок и законодательных актов. Это тот путь, по которому, видимо, нам придется идти не одно десятилетие, пока общественная собственность в кооперативно-ассоциированной форме не получит приоритет над государственной собственностью, освободив экономическую сферу от жесткой опеки и регламентации со стороны государства.

Но для того, чтобы этот процесс успешно продвигался в экономической сфере, власть уже на данном этапе обязана осуществить постепенный переход к авторитаризму в политической сфере — путем прямых выборов, при наличии различных кандидатов, выдвинутых как от отдельных организаций, так и от групп коммунистов. Сохранив за партией авторитарные полномочия высшего арбитра в политической системе, необходимо вытаскать из «чрева» партии проглоченное ею государство и воссоздать нормальные органы государствен-

ной власти: законодательные, исполнительные и судебные, в масштабах района, города, области, республики и страны. Одновременно под наблюдением партии необходимо регулировать отношения между различными интересами гражданского общества — позволяя любой стороне говорить полным голосом, не прибегая к насилию, плодящему страх,— политическим путем, через легальные институты.

Когда институты гражданского общества будут призваны и, приобретя легальную почву, приобщатся к цивилизованному решению конфликтов путем консенсуса,— исходя из базисных ценностей, важных и нужных для процветания общества и стабильности политической системы, то необходимость в однопартийном авторитете отпадет. Общество будет ставить свои проблемы и принимать возможные и приемлемые для большинства решения легальным путем, через демократический механизм общественного самоуправления. Но путь к этому будет нелегким, и мы в самом его начале.

ПОЧТА

Правда одиночек

Не пора ли сказать в полный голос о тех, кто «вышел рано, до звезд», чтоб, многим рискуя, проложить ту тропу, по которой мы все теперь шагаем. Академик Сахаров — гигант, который долгое время держал небо над нашей головой, который всегда говорил и действовал, сообразуясь только со своей совестью. Неужели полурекламная, играющая в западном стиле статья о нем в «Московских новостях» или упоминание там и сям, вскользь и по поводу — это все, на что мы способны сегодня? А. И. Солженицына, чей великий труд «Архипелаг Гулаг», изданный лишь за рубежом и необходимый здесь как воздух, обходят молчанием. Разве не наш долг поклониться тем немногим, для кого так называемый «застой», напротив, был периодом бескорыстной и гуманной деятельности, тем, кто

открыто говорил всю правду, и чья судьба поэтому зачастую оказывалась трагичной?

Сегодня много пишут об академике Вавилове. Но почему при этом не ссылаются на пионерский труд писателя Марка Поповского? Десять лет назад Поповского исключили из Союза писателей, и он был вынужден эмигрировать, успев закончить книгу об удивительном хирурге священнике Войно-Ясенецком. Его книги нужны здесь и сейчас, так же, как книги Георгия Владимова, Андрея Синявского, Владимира Войновича и других писателей трудной, как теперь принято говорить, судьбы.

Отношение ко всем этим людям является мерилком разума и здоровья нашего общества, а замалчивание их имен и трудов превращает нынешнюю эпоху гласности в эпоху опасной полуправды.

Лариса МИЛЛЕР,
член Союза писателей СССР.

Мир в мире — и в СССР

ДУХОВНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ И РЕАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Глеб ПАВЛОВСКИЙ

Подзаголовок мог бы быть и иным: «Личные взгляды одного человека на философию миротворчества» — чтобы подчеркнуть парадоксальность, неожиданность некоторых умозаключений автора. Да беда-то в том, что говорить о более или менее сложившейся у нас миротворческой философии (или концепции, если хотите) пока, видимо, рано. В интервью нашему корреспонденту, помещенном в № 11/88, первый заместитель председателя Советского комитета защиты мира Владимир Орел, подняв целый ряд новых и принципиальных вопросов о предназначении и деятельности СКЗМ, призвал «Век XX и мир» развернуть общественную дискуссию, имея в виду, что не за горами конференция советского движения за мир. Собственно, редакция из месяца в месяц — и достаточно давно — ведет такую дискуссию. Мы рассчитываем, что материалы, о которых здесь речь, дадут дополнительный импульс творческой вовлеченности наших читателей в создание действительного и действенного мира — во всем мире и в нашей собственной стране.

На Западе есть вещь, которая не дает мне покоя. Я хотел бы иметь такую же у нас, в СССР. Но эту вещь не отгадают нам, да ее и невозможно ввезти. Ее не подарят ни самый щедрый западный миллиардер, ни самое дружественное к нам политическое движение. Можно ли эту вещь скопировать? Да, но это ничего не даст. Ее нельзя и захватить, хотя у нее есть точное местоположение.

Эта вещь находится в Европе, в прекрасной стране Испании, недалеко от столицы ее, Мадрида, и называется **Дolina павших**. Это — братское кладбище павших в гражданской войне, левых и правых — **всех**. Тех, кто шел с оружием брат на брата, и если не убил брата, то лишь потому, что брат успел убить первым.

Братское кладбище фашистов и антифашистов! Именитейший антикоммунист нашего столетия Франсиско Франко лежит в кругу коммунистов и своих соратников по войне среди героев и подлейших клеветников, палачей, ставших

жертвами, и жертв, не успевших стать палачами. Между ними, лежащими здесь молча, нет ничего общего, ничего, в чем бы они согласились, если б заговорили вновь. Все они страстно, непримиримо вмешались в испанскую историю — и все мертвы.

Что значит в таком случае их соседство?

Для них — ничего. Для живых — одно, зато со всей несомненностью: **гражданская война кончилась и настал мир**.

У каждого могут быть враги — но у народа нет «врагов народа». Есть терроризм и бывают убийства — а никто не озирается вокруг себя в поисках «отщепенцев». Есть нищета, безнадежная нищета — и есть те, кому выгодно, чтобы была нищета — но нет в том ни «происков темных сил», ни «козней иностранных спецслужб». Люди полны пороков везде, но в испанских пороках никто не станет винить русского или француза. (Это, между прочим, важнейший признак народа, безопасного для

соседей,— когда никого не интересуют национальное происхождение мерзавца и отчество дурака: все наши, родимые!..

Это означает еще вот что: Испания, внутри которой наступил мир, для этого сама должна была стать открытой социальной вселенной. В этом мире есть развитые и развивающиеся земли, национальные раздоры и классовая борьба, есть архаическая старина,— и неопределенное будущее.

В этом будущем тоже может быть все: кто знает будущее? Могут быть плохое правительство, опасная политика, кризисы, военные базы.

Кроме одного: народ не может более проклясть собственное разнообразие и сам себя растерзать. Он не может более настолько потерять доверие человечества и до того ужаснуть соседей, чтобы те начали договариваться за его спиной и вооружаться из страха перед ним. Он чужеземец, но не чужеродец. Он не способен зато и сам, потеряв разум из-за непреодолимого ужаса перед собой, кинуться на соседей.

Такой народ, мирно сосуществуя дома, может мирно сосуществовать с другими народами. Только народ, устроившийся **внутри** себя в «ненасильственный и безъядерный мир», способен быть честным партнером в будущем всеземном, ненасильственном и безъядерном мире Делийской декларации.

И тогда **мирное** движение такого народа может сделать следующий шаг — стать **антивоенным** и **экологическим**. Утвержденный внутренний мир может быть потрясен только глобальными катастрофами, и примиренный с самим собой человек ощущает ответственность за Землю. Утвержденная внутри страны свобода охраняется ядерными арсеналами, то есть угрозой всеуничтожения — и совесть свободных не может с этим примириться, даже не видя пока что реальной альтернативы. И земли, которым возвращены их обычаи, языки, власть над собой и лицо, озабочены не экологическим кризисом «вообще», а — судьбой **этой** вот речки, **этого** вот погоста — всякой черточки на своем лице.

* * *

Но — домой, в СССР.

Революция ушла в летопись: живых

участников ее практически нет. Они ушли от нас, со своей враждой, своими страстями. Мы лишь догадываемся об их чувствах, можем о них читать, но не испытываем их сами.

Семьдесят лет, как где-то в подвале революционеры расстреляли царя со всей его семьей. Полвека, как в других подвалах расстреливали революционеров, вперемешку с теми, кто сам расстреливал их. Сорок лет Победы — и тридцать пять, как умер Тиран.

А мир? Наступил ли в России вечный гражданский мир?

Правда, Закон о защите мира принят давным-давно — придуманный еще Сталиным, он невидимкою «действует» до сих пор, не имея последствий и не вызывая страстей. Но совершенно не так мы относимся к «врагам» — даже мертвым, даже их вовсе не зная. Меняется лишь семантика, образ врага — зато поиск его неустанней, нох на него острей. Обобщенный «враг народа», по официальном изъятии из оборота, порождая вереницу наследников: «отщепенец», «ревизионист», «продавшийся спецслужбам», «диссидент», «ярый антисоветчик»...

Не заикнешься — похоронить честно рядом конников Буденного и солдат Колчака. И как хоронить — под крестом? Под звездой?

Как невинных? Ложь. Как виновников нашего стража? Еще ложь.

(А слышатся голоса и похлеще **отсортировать** «невинных» от «виноватых» среди трупов — и отдельно похоронить: одних под Мемориалом, других — в яме... Идея, по кощунственности близкая к осквернению храма: искать врагов даже среди трупов, в братских ямах, в земле, где не только погонов — костей смешавшихся не собрать!)

Мозг наш до сих пор устроен так, что, едва выпустив одного врага, тотчас нуждается в следующем — а не найди, тоскует, чахнет и «теряет идейную убежденность». Такое духовное состояние можно спроецировать на знаменитую картину Сальвадора Дали, с существом, терзающим в муках самое себя — и та покажется нам реалистическим лубком.

* * *

Век минувший без черного умысла задал свой главный вопрос: кто виноват? — и соавтор вопроса Александр Гер-

цен одним из первых остерегал доверять «революционным дантистам». Однако вопреки предупреждениям, все массовые идеологии кончающегося на наших глазах столетия построены были на идее **сыска персональных ответчиков** за зло истории и несовершенство социальных устройств. Эти сыские идеологии породили массовое сыское сознание. «Сохранились носители буржуазных взглядов и буржуазной морали — вписал уже умирающий Сталин в газетное извещение 1951 года о деле «врачей-убийц», — **живые люди, скрытые враги нашего народа**». Это он подчеркнул: **живые...**

Живые люди — скрытые враги. Это чудовищное уравнение гражданской войны, переходящей в омницид, к концу тридцатых годов утвердилось в Евразии, и превратило политику в абсурдную мясорубку для народов. И повсюду, где эта мысль не проклята и не осуждена, где она допущена к политической практике, там в любой момент может возобновиться, сверху или снизу, сыск классов-преступников, наций-врагов и людей-отщепенцев — «пятой колонны», которой вечно бредит сыское сознание. И даже говоря: «Перестройка», такой мозг верит: есть, есть враги! Есть, есть супостаты — тайные, анонимные, страшные!.. Они похожи на нас, они говорят, как мы, они **живые люди** — следовательно, **их не должно быть!**..

...Бюрократ или масон, консерватор или сталинист, русский или еврей — сыское сознание цепляется за любой тип, любое имя, любое различие, чтобы запустить в ход свою единственную рабочую программу: обьявить общество на чрезвычайном положении. Это сознание рассматривает мир — как стихийное бедствие, нормальную жизнь — как катастрофу. И ключевое слово этой тоталитарной программы одно: слово **враг**. Отсюда прогресс (ибо сыское сознание всегда стоит за «прогресс») мыслится как повальная мобилизация и неустанная борьба с бесчисленными врагами. Прогресс — как непрекращающийся социальный погром...

Надо сознаться, это больное сознание. Мы больны презрением к своему же разнообразию. И перестройка — не просто революционный процесс, а процесс **терапевтический**. Любой терапевт исходит

из того простого факта, что кроме «правильной» и «неправильной» жизни у больного — живого, но больного — организма есть еще одна реальная альтернатива: смерть. Эта альтернатива есть у человечества, есть и у страны. И, с точки зрения терапевта, угроза такой альтернативы уравнивает различия двух других. Будущее выздоравливающего может быть ослепительным, а может — скромным: главное, чтобы это будущее было.

Исходя из трезвого сознания этой реальности, перестройка неизбежно возобновляет — а отчасти порождает **движение за мир в СССР**. Первейшая проблема этого движения — проблема сохранения человеческой жизни в ее свободе, разнообразии и полноте. Проблемы должны ставиться и решаться — но не ценой оттиснения личности, тем более не с риском для ее безопасности. В государстве расстрелянных, в стране выживших, — ценой прогресса не должна оставаться кровь. **Безыдерным** сможет стать только мир **ненасильственный** — в такой очередности — не наоборот, увы. А для нас, в СССР, это путь только начинается, и мы на пороге лишь первого его, внутреннего перегона: самим в стране стать миром, устроиться **ненасильственным** общезжитием, морально оправданным, а не силой и страхом скованным порядком.

Скажем буквально: **сперва мир в стране, согласие и гражданский мир, затем — как следствие — борьба за «мир во всем мире».**

«Миру — мир» — это сейчас нам не про весь земной глобус, это про нас в СССР: нашей беспокойной союзной вселенной — истинный мирный порядок. Духовно — та древняя внутренняя война не прекращалась, она еще тлеет в душах, вырываясь вдруг из-под тихого пепла языками вражды и насилия. И советское мирное движение, прежде всего — движение за прекращение состояния гражданской войны, под именем ли «классовой» или «идеологической борьбы» — все едино. Воюя с мыслями и с идеями, мы в борьбе с покойными предками и в вечной распре с собственным мозгом. А пока идет война с мертведами, ум народа остается в сумерках, готов к иступлениям — и возможны новые жертвы среди живых.

В конце восьмидесятых годов советское мирное движение попало в смешной переплет: оно сомневается в том, что существует. Среди десятков гражданских инициатив, стимулированных перестройкой, нет более уклончивого и проблематичного, чем движение за мир. Лишенное религиозных импульсов толстовства, вообще без какой-либо философии, оно лишено вместе с тем и удобного пафоса отрицания, обычного для всякого неформала независимо от позиции. Сталинист и «антибюрократ», регионалист и эколог ясно видят своих противников — тогда как советский «мирник», в особенности, «антивоенного» направления, остается вторичной фигурой, имитируя акции западного пацифизма, рожденные культурной средой и проблемами, для нас более или менее умозрительными. Отчаянная борьба местных экологов и национально-культурных групп, негромкий труд одиночек, посвятивших себя милосердию, судорожные попытки отдельных политиков и администраторов обуздать лавину проблем, не рискуя теплом, хлебом и молоком для детей — не находят себе единой духовной доминанты, рискуя раствориться в потоке социальной вражды. Неоценимая угроза: так уже было в прошлом. Кто помнит сегодня героическую борьбу Владимира Короленко и Максимилиана Волошина на два фронта, против красного и белого террора? Кого наставили послания старца Кропоткина в Совнарком, отчаянные мольбы Горького в «Несвоевременном»?

Мирное движение в СССР было дважды прервано, обогато и дважды забыто: сперва карами 20—30-х годов, положившими конец альтернативной военной службе, толстовским и вегетарианским коммунам, политическому Красному Кресту, местным и волостным сообществам — и второй раз, искусственно насажденное к концу сороковых в форме официального правительственного пацифизма: так называемой «борьбы против поджигателей войны» — то есть, «борьбы за мир» во всем мире, **исключая СССР.**

Для советского человека официальный пацифизм, в лучшем случае, подтверждал его нежелание воевать еще раз и видеть повторение бедствий вой-

ны, хорошо ему памятных. Никто не хотел войны с Америкой — однако любой очень бы удивился, скажи ему, что мир означает нечто иное, отличное от того образа жизни, который ему приходилось вести. Мирная жизнь для советского человека эпохи позднего сталинизма — дочь черныбыльской эпохи — была просто та самая жизнь, которую он вел, жизнь в отсутствие войны: у рабочего своя, у раздавленной деревни своя, своя у заключенных — и у тех, кто их охранял. Все это обнималось официальным понятием **мирная жизнь советского народа.**

Никогда столько не говорили, не пели о мире, как в 70-е годы. «Лишь бы не было войны», — саркастический пароль тех лет, невольно перешедший в анекдоты, и войны действительно не было, как и мира, впрочем. Ибо все виды мирной человеческой жизни были подорваны, оскоплены и ограничены, а те, кто заявлял об этом, выбирали между выездом и арестом.

Тогда появилась, неизвестно, в чьей голове, небывалая в России идея обвинить саму интеллигенцию во лжи! Специально сочинили и ввели в Уголовный кодекс слова о «клевете на строй» — новой, со времен инквизиции неслыханной лжи, лжи бессознательной, идеологически-святоотатственной, то есть, особенно мерзкой. И началась война — небольшая внутренняя война, маленькая победоносная война, какую так любят вести правительства, оказавшись в затруднении. Война, длившаяся двадцать лет.

Русские, которые «не хотят войны» — так целое в песне — преследовали Галича за то, что он пел другие песни, и тех кто пел вместе с ним. Теперь на комсомольских собраниях распевают песню Галича «Смеешь выйти на площадь...» Но это песня про конкретных людей, вышедших на Красную площадь 25 августа 1968 года, чтобы единственно возможным для них способом доказать: не они ввели танки в Прагу. Молодежь, которая действительно хотела мира, а не только пела миролюбивые песни («Мир, нам нужен мир — мир, чтоб смеяться...») прочитала роман Пастернака и летописи Солженицына двадцать лет тому назад, когда эти книги были запрещены и читать их было запрещено также. Они читали запрещенную правительством кни-

гу, потому что со школьной учебы помнили: в споре правительств с литературой в России всегда неправо правительство и всегда прав поэт. А война правительства с сочинителями — это гражданская война.

И за ночь проглотив «Живаго» в контрабандном издании Фельтринелли, нахватавшись Платонова, Орвелла и Солженицына, они выходили на площадь, чтобы сохранить гражданский мир от поджогов. А другие люди, которые «не хотят войны», их арестовывали и допрашивали.

О чем именно дгала интеллигенция, сегодня легко узнать: все это есть в газетах. Интересно, однако, другое: не все, что сегодня есть в газетах, было вчера на устах гонимой истиной. Никто, например, не знал, что, одновременно с Всемирным форумом миролюбивых сил в Москве, — в Узбекистане существовал и действовал подземный концлагерь, с бетонными мешками и стальными цепями, увенчанный на поверхности земли — памятником Ленину; а у подножья памятника развалившись в кресле, Адылов пытал неугодных! Это очень важно уточнить: ни один судебно преследованный «лажец» 70-х годов, даже из самых озлобленных неправдой и унижениями, ни разу не упрекнул «строй» ни в чем подобном.

Одного этого должно быть достаточно для полной всеобщей реабилитации граждан, осужденных в порядке инквизиционной, псевдоюридической процедуры «борьбы с диссидентами» 1965—85 годов. И требование такой реабилитации — естественная, неотъемлемая часть программы советского мирного движения.

Нет — советский народ не жаждал войны, когда на постыдных «митингах» по случаю истребления южнокорейского аэробуса «демонстрировал» в поддержку действий командования ПВО. И едва ли американцы, поддержавшие президента в зеркально подобном случае в Персидском заливе, — демонстрируют миру врожденную кровожадность. Но оба народа таким образом соznались в реальности, с которой, так или иначе, придется иметь дело их политикам: духовная неготовность к миру, при нежелании войны. Представление о мире как отсутствии войны только без взятия хода вещей

под моральный контроль. И это — вызов миротворцам 80-х и 90-х годов: нехватка истинной воли к миру и безо всякой войны, безо всякой бомбы порождает и будет порождать чудовищ.

* * *

Сегодня мир вновь становится делом в России.

Когда Советский комитет защиты мира на весенней сессии взял, хотя и неуверенно, курс на внутреннее умиротворение, на сотрудничество с неформальными миротворческими инициативами в стране, — это не только понятное стремление старого института найти себе место в переменившейся реальности — это и признак размораживания воли к гражданскому миру. Пригодятся и формы, которые так любил прежний декоративный пацифизм: круглые столы, семинары, походы, народная дипломатия — но не так с заокеанскими пацифистами и гуманными миллионерами, как со **своими, с отечественными упрямами!**

Миротворцы нужнее в стране, чем за ее пределами.

Например, где были наши советские миротворцы в дни Сумгаита: на семинаре в Венеции, на фестивале в Каннах?.. Как только пронеслась весть об этом, увы, центральном событии года, почему в Закавказье не нагрнула интеллигенция — этнографы, социопсихологи, лингвисты — которых так много, если надо принять западную делегацию, и легион, — когда можно самим слетать на Запад? Да и с Запада — из Индии, из Северной Ирландии, из США — можно привозить опыт, рекомендации, советы по решению наших проблем — а не чемоданы, шалочки с изображением сердец и ценное открытие, что «и враги, оказывается, такие же люди!» (мысль, еще ни разу не предотвратившая ни одной войны, ни одного насилия, ни одного погрома).

...Я хотел бы представить нечто немислимое — наверное, такую картину тоже мог бы написать Дали: всемирный конгресс кулинаров — в вымирающей от голода Эфиопии. Съезд эстетиков — в Пном-пене. Или фестиваль врачей-пацифистов посреди Чернобыля, с рок-концертами, обедами и съемками для кинохроники. А ведь сколько такого же по моральной двусмысленности происходит

под именем «борьбы против войны» у нас — в стране небогатой, изъязвленной прошлым и недавним, где уже вновь пролилась кровь.

Сколько после Чернобыля было антивоенных акций и встреч в духе народной дипломатии: тысяча, десять тысяч? А если станут писать в будущем о народной дипломатии эры Чернобыля, вспомнят не походы, не пикники пацифистов на травке — вспомнят только одного доктора Гейла. И правильно вспомнят — ведь все остальное не имеет никакого отдельного смысла. Смысл для спасения мира имеют только те три, пять или пятьдесят — не знаю, сколько — людей, которых спас один человек Гейл, человек без советского паспорта, лечивший жертв ошибочной политики государства-противника.

И все наши конгрессы и миролюбивые поцелуи — только для того одного, чтобы конкретный человек не был схвачен и пытан, чтобы он даже не боялся этого. Если бы антивоенная советская интеллигенция пожертвовала — ужас! ужас! — летними отпусками и дачей, борясь за **мир в Закавказье**, то, может быть, не было бы «аэропортового кризиса» в Ереване, не прозвучали бы выстрелы в сентябре. В конце концов, разве не стоит шанс спасения хотя бы одной жизни одного соотечественника — в **мирной** стране, в **мирное** время! — всех миллионов Фонда мира, усилий всех сотрудников СКЗМ?..

* * *

Мирное движение в СССР обязано

научиться быть упрямым. Оно не только не состоится — оно не начнется, пока не возьмет в обычай говорить неприятную правду равно властям и народу — сросшимся в опыте насилия, привычке к насилию, требованиями «справедливого» насилия и мечтами о насилии благородном и безупречном.

Большинство не бьется за мир — в точном, обобщенном русском смысле этого слова, означающем устроенную безопасно вселенную. Большинство, разумеется, предпочитает условия мира условиям войны — однако редко, почти никогда, не готово к миру как духовной работе. Мир — это духовная жажда реальности, разнообразия и свободы, и воля к ненасилию, как условию всего этого. Заглушить эту жажду так же невозможно, как насадить, в ком она отсутствует. Потому борьба за мир — всегда диалог меньшинства, жаждущего именно мира, с большинством, которое жаждет только выгоды из отсутствия войны. Не будучи большинством и не пытаясь быть им, движение за мир должно стать голосом, слышимым отовсюду: ровным, честным, абсолютно нефальшивящим и абсолютно независимым голосом. Действия политиков, реакции народа часто будут игнорировать этот голос — и тогда в действие, в живую проповедь, в явную работу участия должны вступить миротворцы, если они есть в стране. А они — есть. Ибо мир — повторим Спинозу, и повторим с удовольствием — «не есть отсутствие войны, но добродетель, проистекающая из твердости духа».

УВАЖАЕМЫЙ ТОВАРИЩ!

Для нашего издания (как, впрочем, и для всех других!) важно знать мнение читателей — что им в журнале нравится, что оставляет их равнодушными, что не нравится, вызывает раздражение, кажется скучным, неинтересным.

Просим Вас ответить на нижеследующие вопросы.

Они помогут нам сделать издание более ярким, созвучным Вашим интересам и целям миротворческого движения в нашей стране.

1. С какого года вы читаете «Век XX и мир»?
 2. Где Вы его приобретаете? **Обведите одну цифру.**
 - 1 — по подписке
 - 2 — покупаю
 - 3 — беру у знакомых
 - 4 — читаю в библиотеке
 3. Если Вы читаете его несколько лет, то замечаете ли Вы в нем какие-либо изменения? Если да, то какие?
 - 1 — да, журнал стал
 - 2 — изменений не вижу
 4. Находите ли Вы в нашем издании что-либо специфичное, отличающее его от других журналов, которые Вы читаете? Если находите, то что именно?
 1. Особенность вижу в том, что
 2. Особенностей не вижу
 5. Как Вы считаете, работает ли «Век XX и мир» на свою основную задачу — отражение проблем миротворческого движения в СССР, воспитание людей в духе Делийской декларации о ненасильственном и безъядерном мире?
 - 1 — да
 - 2 — нет
 6. Какие из статей издания показались Вам наиболее полезными в этом отношении? Назовите не более трех статей.
 1. ...
 2. ...
 3. ...
 7. Открыл ли Вам журнал какие-либо новые стороны жизни, познакомил ли с новыми проблемами, о которых Вы не знали?
 - 1 — да
 - 2 — скорее нет
 - 3 — совсем нет
 8. Наталкивались ли Вы на идеи, сопадающие с Вашими собственными мыслями, с тем, к чему Вы приходили, размышляя над сложными вопросами сегодняшнего дня?
 - 1 — да
 - 2 — нет
-

На второй странице обложки: «Христос, ломающий ружье». Хуг. Отто Панкок. Из сборника «К жизни», изд. Ассо, ФРГ.

На третьей странице обложки: «Яд наш насыщенный гадьд нам днешь». Хуг. Клаус Штек (ФРГ). (Эта почтовая открытка прислана в редакцию нашим западногерманским читателем Гюнтером Штаубом)

Unser täglich Gift gib uns heute

**БЮЛЛЕТЕНЬ
ИЗДАЕТСЯ СОВЕТСКИМ КОМИТЕТОМ
ЗАЩИТЫ МИРА
ПРИ СОДЕЙСТВИИ
СОВЕТСКОГО ФОНДА МИРА**

Основан в 1958 году
Выходит ежемесячно на русском, английском,
французском, испанском и немецком языках

Цена 10 коп.

Главный редактор
А. БЕЛЯЕВ

■ ВЕК XX И МИР ■

■ XX CENTURY AND PEACE ■

■ LE XX^È SIECLE ET LA PAIX ■

ВЕК XX И МИР

Адрес редакции:
103009, Москва,
Ул. Горького, 16/2,
тел. 200-38-07

Индекс 70188

